

Раздел

Юридические науки

УДК 347.44

DOI: 10.46987/0103122021_57

М. И. Вицьева

M. I. Vitsieva

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN RUSSIAN AND FOREIGN CIVIL LAW

Аннотация. Принцип добросовестности, определяющий рамки корректного поведения участников гражданского оборота, занимает центральное место в современном гражданском праве. Рост сложности договорных конструкций, увеличение количества сделок и обострение конкуренции ведут к тому, что формальный анализ условий договора уже не обеспечивает справедливое разрешение споров. Добросовестность как правовой инструмент становится одним из ключевых факторов устойчивости гражданско-правовых отношений.

Abstract. The principle of good faith, which defines the boundaries of proper behavior for participants in civil transactions, is central to modern civil law. As contractual structures become more complex, the number of transactions increases, and competition intensifies, formal analysis of contractual terms is no longer sufficient to ensure fair resolution of disputes. Good faith as a legal tool has become a key factor in maintaining the stability of civil relations.

Ключевые слова: добросовестность, гражданское право, реституция, правоприменение.

Keywords: good faith, civil law, restitution, law enforcement.

Российское законодательство сравнительно недавно придало принципу добросовестности системное значение, закрепив его в п. 3 ст. 1 и ст. 10 Гражданского кодекса РФ, что свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить баланс интересов участников оборота.

Актуальность темы определяется тем, что добросовестность используется не только как идея, но и как правовой инструмент, влияющий на исход судебных споров и формирование договорной практики. Сравнительный анализ зарубежных правопорядков — германского, французского и американского — показывает, что принцип выполняет схожие функции во многих странах, однако механизмы его реализации заметно различаются [2, с. 113]. Исследование этих различий позволяет лучше понять структуру российского правового подхода и определить направления его дальнейшего развития.

Российская модель регулирования добросовестности формируется вокруг двух ключевых норм: общей обязанности действовать добросовестно и запрета злоупотребления правом. Первая норма закреплена в п. 3 ст. 1 ГК РФ и устанавливает требование добросовестного поведения в процессе возникновения, осуществления и защиты гражданских прав. Вторая норма, предусмотренная ст. 10 ГК РФ, вводит запрет на использование субъективного права вопреки его назначению. Такое сочетание позволяет рассматривать добросовестность одновременно как общий принцип и как специальный инструмент, направленный на пресечение злоупотреблений.

Российская судебная практика последовательно расширяет применение добросовестности, что видно из многочисленных решений Верховного Суда РФ. Например, в деле № 305-ЭС18-9553 суд указал, что формальная законность поведения не исключает признания его злоупотреблением, если сторона использовала свои права в ущерб контрагенту. Такой подход показывает переход от чисто формального анализа условий договора к оценке поведения с точки зрения его экономической логики и распределения рисков. Фактически суды используют принцип добросовестности как способ корректировки

чрезмерного формализма, обеспечивая восстановление баланса интересов сторон.

Судебная практика также подчёркивает значение преюдициальных фактов, отражающих реальную картину взаимоотношений. Переписка сторон, история переговоров и предыдущие договорённости рассматриваются судами как доказательства, позволяющие установить истинное содержание намерений участников. Например, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 11.07.2013 № 1786/13 было отмечено, что намеренное создание препятствий исполнению обязательства является недобросовестным поведением, даже если договор формально не нарушен. Это подтверждает, что добросовестность влияет на оценку действий сторон независимо от буквального содержания договора [1, с. 59].

Зарубежные правопорядки обладают более развитой традицией применения добросовестности, что обусловлено длительной историей её доктринального развития. В германском праве принцип *Treu und Glauben*, закреплённый в § 242 BGB, является одним из фундаментальных элементов регулирования обязательств. Он выполняет функцию универсального корректора, позволяя суду учитывать справедливые ожидания сторон. Например, немецкие суды могут признать отказ от исполнения обязательства противоречащим добросовестности, если ранее сторона создала у контрагента устойчивое ожидание продолжения отношений. Такой подход делает правовую оценку поведения более гибкой и контекстной.

Французское право развивает концепцию *bonne foi*, закреплённую в ст. 1104 Гражданского кодекса Франции. Особенность французской модели заключается в расширении действия принципа на стадию переговоров. Французские суды признают недобросовестным резкий разрыв длительных и серьёзных переговоров без обоснованных причин. Это означает, что принцип добросовестности регулирует не только заключение и исполнение договора, но и формирование договорной воли. Такой подход способствует повышению качества коммуникации между сторонами и снижению риска злоупотреблений.

Американское право использует принцип *good faith and fair dealing*, закреплённый в § 1-304 UCC, который применяется практически ко всем договорам. Особенность американской модели заключается в том, что добросовестность рассматривается как обязанность не подрывать разумные ожидания контрагента. Суд оценивает предыдущие отношения сторон, их договорные привычки и деловую практику в отрасли. Это приводит к тому, что даже действия, формально соответствующие договору, могут быть признаны нарушением долга (*fair dealing*), если они существенно меняют экономический баланс сделки. Такой подход делает принцип добросовестности важным инструментом защиты слабой или зависимой стороны.

Сравнительный анализ показывает, что российский подход постепенно развивается в направлении, характерном для германской и французской правовых традиций. Российские суды всё активнее учитывают контекст взаимодействия сторон, уделяют внимание переговорам и анализируют экономическую сторону поведения. Однако в России пока отсутствует полноценный институт преддоговорной ответственности, что снижает роль добросовестности на стадии формирования договора [3]. Зарубежные правовые порядки предлагают более развитые и комплексные модели, которые включают оценку поведения на всех этапах договорного процесса и обеспечивают более высокий уровень защиты интересов участников гражданского оборота.

Принцип добросовестности выступает важным механизмом обеспечения справедливости в гражданско-правовых отношениях. Его функция заключается в согласовании формального содержания прав и обязанностей сторон с фактическими обстоятельствами их взаимодействия. Российская практика применения принципа развивается в направлении усиления роли контекстуальной оценки поведения и охвата всех стадий договорных отношений. Это свидетельствует о постепенном сближении с зарубежными правовыми моделями, где добросовестность уже давно выполняет интегрирующую и стабилизирующую роль.

Практическая значимость исследования заключается в том, что понимание принципа добросовестности позволяет участникам гражданского оборота более эффективно организовывать переговорный процесс, надёжно фиксировать свои намерения и выстраивать долгосрочные отношения, основанные на предсказуемости и взаимном доверии. Добросовестность становится не просто абстрактной идеей, а реальным правовым инструментом, влияющим на юридическую судьбу договора и распределение рисков. Это делает её одним из ключевых факторов устойчивости современного гражданского оборота.

Список литературы

1. *Беседкина Н.И.* Разумность как принцип, категория, целевое требование и один из критериев юридической техники // Образование и право. Научно-правовой журнал. — 2017. — № 7. — С. 57-64.
2. *Шелепина Е.А.* Принцип добросовестности в гражданском праве: особенности применения в суде и правовые последствия // Образование и право. Научно-правовой журнал. — 2019. — № 11. — С. 112-116.
3. *Чуканов С.Н.* Понятие принципа добросовестности в гражданском праве и негативные аспекты применения // Молодой учёный. — 2021. — № 27 (369). — С. 231-234.

© Вицьева М.И., 2025

